

A woman with long brown hair, wearing a dark blazer over a light blue shirt and a dark skirt, walks towards the camera on a path in a cemetery. A small black dog is walking beside her. In the background, there are several tombstones and a church with a large dome and a spire. The scene is dimly lit, with a teal or cyan color cast.

Надежда Коптева

Коллекционер
костей

Надежда Коптева
Коллекционер костей

«Автор»

2026

Коптева Н.

Коллекционер костей / Н. Коптева — «Автор», 2026

Анна — 25-летняя учительница литературы, работающая на окраине Москвы. А родом — из небольшой деревни, где тишина и поля казались бесконечными... Но теперь её жизнь — как отлаженный механизм:- утро: кофе с корицей в кофейне «У арки» ;- дорога на работу: 40 минут в электричке с томиком Пушкина;- день: школа №17, споры с восьмиклассниками о «Преступлении и наказании» («Раскольников — трус, прикрывающийся философией!»);- вечер: чай с лимоном и проверка тетрадей под шум дождя. Кто она на самом деле? Что скрывает ее прошлое? Готовы узнать тайну Анны Воронцовой? Где реальность переплетается с кошмаром, а обычная учительница может оказаться ключом к миру, который лучше не тревожить...

© Коптева Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Первый подарок»	5
Глава 2. «Старинная легенда»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Коллекционер костей

Глава 1. «Первый подарок»

Март 2026 года

Анна Воронцова ненавидела переезды. Особенно – внезапные, продиктованные не желанием, а необходимостью. Ей было 25. В зеркале она видела девушку с точёными чертами лица, с прямой осанкой, с взглядом, в котором застыла привычка оценивать, анализировать, держать дистанцию. Каштановые волосы, аккуратно уложенные, подчёркивали строгость облика. Карие глаза, обычно холодные и внимательные, сегодня отражали смятение.

Её жизнь до этого момента была выстроена как учебник по геометрии – чёткие линии, прямые углы, предсказуемые формулы.

Утро: кофе из кофейни «У арки» (обязательно с корицей), 40 минут в электричке (она всегда садилась у окна, читала Пушкина или проверяла сочинения), потом – школа № 17 на окраине Москвы.

День: уроки литературы, где она требовала не пересказа, а понимания; споры с восьмиклассниками о «Преступлении и наказании» («Раскольников не гений – он трус, прикрывающийся философией!»); тихий смех коллег, когда она в очередной раз оставляла двоечника после уроков.

Вечер: чай с лимоном, проверка тетрадей под звук дождя за окном, редкие звонки подруг:

– Аня, ты опять дома? Пойдём в бар!

– У меня работы много.

– Ты всегда так. Ты же молодая!

Молодая. Да. Но молодость, как ей казалось, не обязана быть беспечной.

А потом – тот звонок.

– Аня, тебе нужно приехать.

Голос тёти Марины звучал глухо, будто она говорила из колодца, куда не проникает свет. Анна стояла у окна учительской, сжимала в руке телефон и смотрела, как капли дождя стекают по стеклу, размывая очертания припаркованных машин.

– Тётя, я только что отпуск взяла. Хотела в Питер съездить... – она попыталась улыбнуться, но голос дрогнул.

– Это важно. Он снова даёт знаки.

Анна закрыла глаза. Эти слова она слышала с детства – шёпотом, между строчками сказок, в паузах между обычными фразами. «Знаки», «предзнаменования», «он следит».

– Кто «он»? – спросила она, хотя знала: ответа не будет.

– Ты последняя из нас, кто ещё... цел.

Последнее слово повисло в воздухе, как капля, готовая упасть.

– Я не могу просто бросить работу и уехать, – попыталась возразить Анна. – У меня классы, планы, родители...

– Можешь. И должна.

Тишина. Где-то вдали гудел школьный коридор, смеялись дети. Анна сжала телефон так, что побелели пальцы.

– Хорошо. Но мне нужно время. Уволиться, собрать вещи...

– Чем быстрее ты приедешь, тем лучше.

Увольнение

Директор школы, Борис Ильич, смотрел на неё с недоумением.

– Анна Сергеевна, вы же только в сентябре вернулись после больничного. Что случилось?

Она сидела напротив него, в кресле, обитом вытертым бордовым бархатом, и чувствовала, как ладони становятся влажными.

– Личные обстоятельства. Мне нужно уехать. Надолго.

– Надолго – это насколько?

– Не знаю.

Он потёр переносицу, открыл её личное дело, провёл пальцем по строчкам.

– У вас отличные показатели. Дети вас уважают. Родители пишут благодарности... Вы уверены?

– Да.

– Может, отпуск за свой счёт? Подумайте ещё.

Она молчала. В голове стучало: «Он начал».

– Я написала заявление.

Он вздохнул, поставил подпись, протянул ей документы.

– Жаль. Вы хороший педагог.

Анна кивнула, взяла папку и вышла. В коридоре её окликнула коллега, Лена:

– Ань, ты куда? У нас же завтра совещание!

– Я уволилась.

– Что?! Почему?!

Анна улыбнулась – коротко, без тепла.

– Семья.

Дорога в Глухоречье

Автобус из областного центра довёз Анну до поворота на Глухоречье – и тут же, едва она сошла на обочину, водитель резко захлопнул дверь, даже не дожидаясь, пока она отступит от ступеней. Двигатель взревел, и ржавая махина, чихнув чёрным дымом, рванула обратно по разбитой дороге, будто спасаясь от чего-то.

Анна осталась одна. Впереди ее ждали пять километров извилистой дороги, по которой не ездит ни один транспорт.

Вокруг – тишина, нарушаемая лишь скрипом старых телеграфных столбов да далёким карканьем. Небо нависло низко, серое, как пепел. В воздухе висел запах сырости и чего-то ещё – сладковато-металлического, словно где-то рядом медленно ржавело что-то огромное.

Дорога в деревню шла через поле, заросшее чертополохом и высохшими стеблями прошлогоднего бурьяна. Тропа была узкой, будто её не столько проложили, сколько вытоптали – не людьми, а чем-то, что двигалось здесь исподволь, избегая прямых путей.

Заброшенный колодец

Метров через триста Анна заметила его – колодец на краю поля.

Он стоял, как забытый страж: сруб из почерневших брёвен, крыша наполовину обрушена, а вокруг – ржавая цепь, натянутая между вкопанными в землю столбами. Цепь была старой, покрытой бурыми пятнами коррозии, и звенела при малейшем движении воздуха – не громко, а так, будто кто-то перешёптывался в глубине.

Анна замедлила шаг.

На земле вокруг колодца не было ни следов, ни травы – только голая, утрамбованная почва, будто люди годами избегали подходить ближе. На одном из столбов кто-то вырезал крест, но не ровный, церковный, а корявый, с неровными концами, словно сделанный дрожащей рукой.

Она хотела пройти мимо, но вдруг заметила: в тени сруба что-то блеснуло.

Приглядевшись, она различила на дне колодца – там, где свет едва пробивался сквозь проломленную крышу – что-то белое. Кость? Нет, несколько костей, сложенных в круг.

И тут же – резкий звук: цепь дёрнулась, будто кто-то потянул её изнутри.

Анна отшатнулась.

Когда она снова посмотрела на колодец, костей уже не было.

Лес и его тайны

Дальше дорога уходила в лес.

Деревья стояли плотно, их ветви переплетались над тропой, образуя свод, сквозь который пробивались лишь редкие лучи. Под ногами хрустели сухие ветки, но иногда – будто что-то другое. Анна остановилась, наклонилась и подняла обломок. Кость. Маленькая, птичья, но... сложенная с другими. Она огляделась.

Между стволами, в полумраке, виднелись странные очертания – круги из костей, спирали, фигуры, напоминающие руны. Кто-то – или что-то – выкладывал их здесь, терпеливо, методично, как если бы составлял послание, которое никто из живых не должен был прочесть.

Ветер шелестел листвой, но Анне казалось, что это не листья – а шёпот.

«Не смотри. Не считай. Уходи».

Она слотнула и пошла дальше.

Заброшенная часовня

На окраине деревни, у самого края поля, стояла часовня.

Её окна были тёмными, будто залиты смолой. Дверь висела на одной петле, время от времени скрипела, раскачиваясь от ветра, но звук был неправильный – слишком долгий, слишком низкий, как стон.

У стены, на коленях, сидели три старухи. Они не молились – они шептали. Их губы двигались синхронно, без слов, только дыхание вырывалось облачками пара, которые не рассеивались, а медленно тянулись к окнам часовни, словно пытаясь проникнуть внутрь.

Одна из старух вдруг подняла голову. Её глаза – абсолютно белые, без зрачков – уставились прямо на Анну.

– Не задерживайся, – прошипела она, не разжимая губ. – Он видит.

Остальные старухи даже не повернулись. Они продолжали шептать.

Анна поспешила прочь.

Дети и сумрак

В самой деревне было тихо.

Дома стояли вдоль единственной улицы, их окна смотрели на Анну пустыми проёмами – даже там, где были стёкла, казалось, что за ними никто не живёт.

На крыльце одного из домов сидела девочка лет семи. Она держала в руках тряпичную куклу, но её движения были неправильными – слишком плавными, слишком механическими, как у заводной игрушки.

Когда Анна прошла мимо, девочка медленно повернула голову. Её глаза были широко раскрыты, но взгляд не фокусировался ни на чём.

– Ты новенькая? – спросила она, но голос звучал так, будто говорили двое – ребёнок и кто-то ещё, глубже, тише.

Анна не ответила. Она ускорила шаг.

За спиной девочка продолжала:

– После заката не выходи. Они приходят за теми, кто гуляет в темноте.

Анна обернулась – но девочка уже исчезла. Только кукла лежала на крыльце, её тряпичное лицо было испачкано чем-то тёмным.

Она почти дошла до дома тёти, когда снова увидела его.

Чёрный кот сидел на заборе, его глаза – два жёлтых огня – следили за ней.

Анна остановилась.

Кот не шевелился. Только хвост медленно покачивался, будто отсчитывая секунды.

Она сделала шаг вперёд – кот прыгнул на землю и двинулся ей навстречу. Не убегал, не прятался – шёл за ней, держась на расстоянии трёх метров, всегда в поле зрения.

– Уходи, – прошептала Анна.

Кот моргнул.

И тогда она поняла: он не просто следит. Он ведёт.

Она ускорила шаг. Кот не отставал.

Когда она наконец подошла к дому тёти, кот сел у калитки и уставился на дверь. Его глаза светились в сумерках, как два маленьких фонаря.

– Он не войдёт, – раздался голос тёти за спиной. – Но будет ждать.

Анна вздрогнула.

– Что это за место? – спросила она, оборачиваясь.

Тётя стояла на крыльце, её лицо было бледным, почти прозрачным в угасающем свете.

– Это Глухоречье, – сказала она. – И ты уже в нём.

Кот за её спиной тихо зашипел.

Дом тёти

Дом тёти Марины стоял на отшибе – в конце единственной улицы Глухоречья, где деревянные избы постепенно сменялись зарослями чертополоха и бузины. Он выглядел так, будто время обходило его стороной: брёвна потемнели от веков, но не гнили; резные наличники, украшенные странными узорами (то ли листьями, то ли извивающимися змеями), казались слишком детализированными для деревенской работы.

Когда Анна переступила порог, её окутал запах, от которого по спине пробежал холодок. Не просто травы и воск – а что-то глубже: затхлый дух старых книг, металлический привкус, словно в воздухе висела пыль от давно рассыпавшихся костей.

– Проходи, – тётя шагнула в сторону, пропуская Анну, но сама осталась на крыльце, будто боялась зайти следом.

Внутри дом был... неправильным.

Потолочные балки изгибались под странными углами, словно дом медленно искривлялся. Двери скрипели даже без ветра, а из-за стен доносились звуки, похожие на шёпот – но стоило прислушаться, они растворялись в тишине.

– Где моя комната? – голос Анны прозвучал глухо, будто поглощённый стенами.

– В конце коридора, – тётя наконец вошла, плотно закрыв дверь. – Я постелила чистое. Но... не открывай окно ночью.

Анна кивнула, но уже чувствовала: здесь что-то следит.

Комната

Дверь в её комнату была чуть перекошена – не до конца смыкалась с косяком, оставляя узкую щель. Когда Анна толкнула её, петли протяжно заскрипели, будто стон.

Внутри – узкая кровать с покрывалом, вышитым непонятными символами (то ли птицы, то ли когтистые лапы), комод с треснутым зеркалом и окно, выходящее на задний двор.

Она подошла к стеклу. За ним – вяз с искривлёнными ветвями, словно застывший в крике. На одной из веток сидел ворон. Его глаза – два чёрных угля – уставились прямо на неё.

«Он не моргает», – подумала Анна, и тут же птица резко каркнула, будто отвечая.

На подоконнике лежала пыль. Но не обычная – сероватая, с проблесками чего-то... металлического. Анна провела пальцем – на коже остался едва заметный блеск, как от измельчённого угля.

Она обернулась. В углу, за кроватью, что-то блеснуло. Наклонившись, она разглядела: крошечные осколки стекла, разбросанные в форме круга.

«Кто-то разбил здесь зеркало?»

Но спрашивать тётю не стала. Интуиция кричала: не буди то, что спит в этом доме.

Кухня

Тётя уже ждала на кухне – в комнате с низким потолком и печью, выложенной изразцами с изображением волков. На столе дымилась чашка чая, но пар поднимался странно: не струйкой, а кольцами, будто кто-то невидимый пускал дым.

– пей, – тётя подвинула чашку. – Это поможет уснуть.

Анна взяла её, но запах заставил замереть. Не травы – а что-то сладковатое, с привкусом железа.

– Что в нём?

– Просто мята.

Голос тёти дрогнул. Анна поставила чашку обратно.

– Ты не ответила на мой вопрос. Что за «знаки»? Кто «он»?

Тётя посмотрела в окно. За стеклом сгустились сумерки, и в их глубине что-то шевелилось – не ветер, не животные. Слово тени вытягивались, пытаясь дотянуться до дома.

– Ты останешься здесь, – повторила тётя, на этот раз твёрже. – Надолго.

– Почему ты не хочешь объяснить?!

– Потому что если ты узнаешь, – уже не сможешь уйти.

Тишина. Анна зашла в комнату. Только часы на стене тикали неправильно: то ускоряясь, то замирали на несколько секунд. Анна вдруг поняла: их стрелки показывали разное время на каждом циферблате. Тётя зашла к ней в комнату и сказала: «Спи, и помни! Не открывай двери, если что-то услышишь»».

Ночь

Анна лежала в кровати, уставившись в потолок. Где-то в доме капала вода – но не монотонно, а в ритме, напоминающем шаги. Раз... два... пауза... три.

Она закрыла глаза, пытаясь отключиться, но сон не шёл. Вместо этого – образы, пропускающие сквозь веки:

тени, скользящие по стенам;

мерцание, будто далёкие огни за лесом;

неясный шёпот, то затихающий, то нарастающий.

И тут – тихий стук.

Не в дверь. Под дверью.

Она села, вглядываясь в щель между полом и косяком. Там мерцал свет – бледно-зелёный, как фосфоресцирующий планктон.

Медленно, почти не дыша, Анна сползла с кровати и наклонилась.

На полу лежал предмет – длинный, желтоватый, с зазубренным краем.

Волчий клык.

Она никогда раньше не видела ничего подобного. Его поверхность была испещрена рунами – тонкими, словно процарапанными когтями. Они не просто светились – шевелились, извиваясь, будто живые черви в тусклом свете. У основания клыка застыла капля, похожая на смолу, но она пульсировала, словно маленькое сердце.

От предмета исходил запах – не животного, а чего-то древнего, как если бы открыли гробницу, где время остановилось. Воздух вокруг клыка дрожал, будто пространство здесь было тоньше, проницаемее.

Анна протянула руку, но в последний момент отёрнула. Кожа на пальцах заколола, словно от статического электричества.

– Тётя... – прошептала она, сама не зная, зовёт ли на помощь или ищет оправдания, чтобы не прикасаться к находке.

Не раздумывая больше, она постучала в комнату тёти.

Дверь открылась мгновенно, будто Марина ждала за ней, прижав ухо к дереву.

– Что это? – Анна указала на клык, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Её пальцы всё ещё покалывало, а в груди нарастала паника.

Тётя посмотрела – и её лицо стало белым, как мел. Губы задрожали, но она не издала ни звука. Только руки сжались в кулаки, так, что ногти впились в ладони.

– Он начал, – наконец прошептала она, и в этом голосе не было страха. Была обречённость.

За окном ворон каркнул – один раз, резко. Потом тишина.

Глава 2. «Старинная легенда»

Тётя Марина не зажгла лампу – вместо этого достала из сундука чёрную свечу, покрытую выцветшими руническими знаками. Фитиль вспыхнул сам, без спички, и пламя пошло не вверх, а по кругу, образуя вращающийся огненный диск. Воздух тут же наполнился запахом – глиной, сыростью могилы, сладковато-гнилостным ароматом, будто цветы, растущие на свежей могиле.

Она медленно опустилась на стул, её тень на стене дрогнула, будто не хотела следовать за хозяйкой. В комнате стало темнее – не от времени, а словно воздух сам поглощал свет. Чёрная свеча, которую она зажгла без спички, теперь горела не круговым пламенем, а длинными, извивающимися языками, напоминающими когти.

– Слушай внимательно, – начала тётя, и голос её звучал так, будто доносился из-под толщи воды, сквозь слой ила и забытых слов. – То, что я расскажу, не легенда. Это правда. И теперь она – твоя.

Она помолчала, словно прислушиваясь к чему-то за спиной. Анна невольно оглянулась – в углу, где сходились две стены, тени складывались в очертания, похожие на рёбра.

– Больше трёхсот лет назад, – продолжила тётя, не отрывая взгляда от пламени, – в этих лесах появился человек. Не странник, не охотник. Он пришёл с определённой целью. Говорили, он был лекарем, алхимиком, а может, и учёным. Но искал он не лекарства и не золото. Он искал вечность.

Тётя провела рукой над свечой – пламя вздрогнуло, и в воздухе на миг проявился запах: глина, сырость могилы, сладковато-гнилостный аромат, будто цветы, растущие на свежей могиле. Анна сглотнула, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

– Он верил, что тело – лишь сосуд, а душа – энергия, которую можно перелить в новый облик. Для этого нужно было создать идеальный скелет – не человеческий, а улучшенный. Из костей разных существ: волка, ворона, медведя, а ещё – тех, чьи имена давно забыты.

Её пальцы сжались в кулаки, ногти впились в ладони. Анна заметила, что на тыльной стороне левой руки тёти – шрам. Не простой, а в форме идеального круга, будто кто-то выжег кожу раскалённым кольцом.

– Сначала он выкапывал человеческие могилы. Потом стал брать кости у павших животных. Складывал их в своём доме, в подвале, куда никто не мог заглянуть. Каждую ночь шептал над ними заклинания – не молитвы, а формулы, будто собирал машину из костей.

Пламя свечи дрогнуло, и на миг в нём проступил образ: скелет, едва прикрытый лоскутами человеческой плоти. Кожа висит, как рваные тряпки на изгороди: местами разорвана до костей, местами натянута до прозрачности, сквозь неё просвечивает синевя вен, давно лишённых крови. На бёдрах и суставах – обнажённые кости, покрытые бурыми пятнами времени.

– Это он, – прошептала тётя. – Тот, кто не умер. Тот, кто сломался.

Анна почувствовала, как волосы на затылке зашевелились. Она хотела спросить, но тётя продолжила, не дожидаясь:

– Его руки – костлявые, с длинными, изогнутыми пальцами. Кончики пальцев – не ногти, а острые костяные шипы. Он не ходит – он передвигается, будто его кости сами находят путь, скользя по земле без усилий. Когда он говорит, рот едва шевелится: губы ссохлись, обнажая жёлтые зубы, а из горла вырывается звук, похожий на скрип старых досок под весом мертвеца.

Она замолчала. В тишине раздался стук:

Тук-тук-тук... пауза... тук-тук-тук.

Анна обернулась – звук шёл не от двери, не от окна. Он был внутри комнаты, будто кто-то отсчитывал время, постукивая костяными пальцами по невидимой поверхности.

– Это его ритм, – сказала тётя. – Он считает время жизни своих жертв.

– Как он появляется? – голос Анны дрогнул.

– Сначала – признаки, – ответила тётя. – Тени, движущиеся против источника света. Запах – глина, могильная сырость, сладковатая гниль. Шёпот из углов, где нет никого. В нём можно различить своё имя, произнесённое шелестящим, как сухая листва, голосом.

Потом – силуэт. В глубине леса, за окном, в отражении зеркала. Затем – шаги, скользящие, будто кости перекатываются по полу. И наконец – прикосновение.

Его пальцы, холодные, как мрамор, касаются кожи, и человек чувствует, как внутри что-то обрывается. Это не боль – это ощущение, будто тебя уже начали разбирать на части.

– Он не убивает сразу, – продолжала тётя. – Он подготавливает. Сначала выбирает жертву – того, чья кровь несёт древнюю примесь, того, кто видит его знаки. Потом оставляет подарки – кости с вырезанными рунами. Если человек берёт их, прикасается, даже просто замечает, он становится помеченным.

Она достала из кармана маленький кожаный мешочек, развязала его и высыпала на стол несколько предметов:

обломок птичьего когтя с выгравированной Тюр (руна войны и жертвы);

кусочек ребра с Хагалаз (руна разрушения);

крошечный осколок черепа с Иса (руна застывания, вечного сна).

– Руны – не просто символы. Это двери. Каждая открывает путь к определённой силе. Он вырезает их на костях, чтобы привязать их к себе. Чтобы они помнили его волю.

Анна коснулась когтя. Пальцы обожгло холодом, будто она дотронулась до льда, пропитанного чем-то... живым. В голове вспыхнули образы:

могила, из которой медленно поднимается рука;

кости, складывающиеся в скелет;

жёлтый глаз, смотрящий из темноты.

Она отдёрнула руку.

– Ты... ты – часть его плана.

– Какого плана?! – голос Анны сорвался.

– Он пытается стать бессмертным. Верит, что если соберёт скелет из костей разных существ – волка, ворона, медведя, древнего зверя, чьё имя забыто – и пропитает его кровью избранного рода, то сможет переселиться в новое, идеальное тело.

Но триста лет назад, когда ритуал почти завершился, мир воспротивился. Его собственное тело разорвалось, а душа застряла между мирами. Теперь он – вечный собиратель, вынужденный каждые 30 лет начинать заново.

Он помнит всех, кто помешал ему. Помнит тех, кто сбежал. И помнит тех, кто ещё не знает, что они – его будущие кости.

– Ты не просто потомок, – прошептала тётя, глядя на пламя, которое теперь горело фиолетовым. – Ты – ключ. В твоей крови есть то, чего не хватало тогда. Если он завершит скелет с твоей костью, он станет... целым.

В этот момент свеча взорвалась – не пламенем, а чёрным дымом, который сгустился в форме руки с длинными пальцами. Дым медленно потянулся к Анне, и она почувствовала запах: глина, могила, сладковатая гниль.

На столе, там, где только что ничего не было, лежал обломок кости с выгравированной руной Иса.

А за окном, сквозь тьму, светились два жёлтых глаза.

И снова раздался стук:

Тук-тук-тук... пауза... тук-тук-тук.

Отсчёт начался.

Тётя замолчала. В комнате повисла тяжёлая, почти осязаемая тишина – такая, в которой слышно, как капли пота стекают по виску, как пульсирует кровь в ушах, как где-то далеко, за пределами дома, что-то медленно шагает по земле.

Анна сжала край стола. Дерево под пальцами казалось живым – оно дышало, едва заметно подрагивая, будто под ним, в толще фундамента, билось чужое сердце.

– Ты говоришь... он помнит всех, – прошептала Анна, боясь услышать ответ. – Но почему именно я? Почему сейчас?

Тётя подняла руку. На её запястье, под рукавом, проступили бледные линии – не вены, а руны. Они светились тусклым, лунным светом, складываясь в узор, который менялся с каждым вдохом.

– Потому что ты видишь. Ты слышишь. Ты чувствуешь. Это значит, что кровь твоего рода ещё не остыла. Она горит для него.

– Но как он выбирает? Как решает, кто станет... частью его скелета?

– Он не решает. Он узнаёт. – Тётя наклонилась ближе, и Анна уловила запах: не только могильной сырости, но и чего-то ещё – старой бумаги, чернил, разлагающейся кожи. – Он чувствует тех, кто несёт в себе ту же примесь. Тех, кто когда-то, сотни лет назад, уже был связан с его ритуалом.

Она достала из-за пазухи потрёпанный кожаный свиток. Его края были обгрызены, будто временем, а буквы – выцветшие, но всё ещё читаемые – извивались, как живые.

– Это хроники. Наши хроники. В них записаны имена всех, кого он забрал. И тех, кто выжил.

Анна потянулась к свитку, но тётя резко отдернула его.

– Не трогай. Пока не время.

Первые жертвы: истории, которые не рассказывают вслух

– Триста лет назад он начал с семьи кузнеца. Их дом стоял там, где сейчас растёт чёрный дуб. В одну ночь все исчезли: отец, мать, двое детей. Наутро в подвале нашли только кости. Но не человеческие. Смешанные. Волчьи, птичьи, чьи-то ещё...

Тётя перевернула страницу свитка. На пергаменте проступили изображения:

Рука, состоящая из костей разных животных, сросшихся в единое целое.

Глаз, плавающий в чаше из черепа.

Рот, полный зубов, каждый из которых принадлежал разному существу.

– Они пытались сопротивляться. Вырезали защитные руны на дверях. Жгли костры из рябины. Но он пришёл через стены. Через сны. Через их собственные кости.

– Как? – голос Анны дрогнул.

– Он проникает в тело через трещины. Не физические, а... духовные. Если человек боится, если он сомневается, если он чувствует, что не принадлежит этому миру – он становится уязвимым.

Как он «разбирает» жертву

– Представь, что ты спишь, – продолжила тётя, и её глаза на миг потемнели, будто зрачки расширились до краёв. – И видишь сон: ты стоишь в лесу, а вокруг – кости. Они шевелятся. Складываются в фигуру. И вдруг ты понимаешь, что это твой скелет.

Анна вздрогнула.

– В этот момент он уже внутри тебя. Он начинает разбирать. Сначала отделяет мышцы от костей. Потом – кости от суставов. Но ты не можешь кричать. Не можешь двигаться. Ты просто чувствуешь, как твоё тело становится чужим.

– А потом?

– Потом он забирает то, что ему нужно. Кость. Одну. Иногда – две. Но всегда оставляет след. Шрам. В форме круга. Как у меня.

Она снова показала запястье. Руны на нём теперь горели ярче, будто реагировали на рассказ.

– Почему круг? – спросила Анна.

– Потому что это печать. Он отмечает тех, кто ему нужен. Тех, кого он ещё не закончил.

– Если ты видишь его знаки – не трогай. Даже если это просто камень с руной, даже если это перо, упавшее к твоим ногам. Если возьмёшь – он узнает, что ты заметила.

– Что ещё?

– Не смотри в зеркала ночью. Он может явиться в отражении. Не слушай шёпот в темноте. Это не ветер. Это он зовёт тебя. Не открывай дверь, если слышишь стук, но не видишь, кто стучит. Он стучится не снаружи. Он стучится изнутри.

– Изнутри?

– Да. Из твоей головы. Из твоих страхов. Он питается ими.

Его «подарки»: что они значат

– Каждый предмет, который он оставляет, – это ключ. Когти – чтобы открыть двери в твой разум. Рёбра – чтобы проникнуть в твоё дыхание. Череп – чтобы завладеть твоими мыслями.

– Откуда ты знаешь?

– Я видела. Тридцать лет назад. Я нашла птичье крыло на пороге. Оно было покрыто рунами. Я взяла его. И в ту же ночь увидела сон: я лечу, но мои перья – это кости. А потом... – она замолчала, сглотнула. – Потом я проснулась с этим шрамом.

Её рука дрогнула, и Анна заметила: на тыльной стороне ладони, под кожей, просвечивали тонкие линии – как если бы под ней росли руны.

– Он оставил меня в живых, потому что я выбросила крыло. Но теперь я – его проводник. Я вижу то, что он хочет показать. Слышу то, что он хочет сказать.

Почему он не может завершить ритуал

– Он ошибается. Всегда ошибается. Потому что думает, что бессмертие – в теле. Но оно – в духе. А его дух разорван. Он не может собрать себя, потому что не понимает: чтобы стать целым, нужно не забирать, а отпустить.

– Отпустить что?

– Свою ненависть. Свою жажду власти. Но он не способен. Он – вечный пленник своего ритуала.

– Ты уже замечена. Ты уже помечена. Он знает, что ты здесь. И он будет приходить. Сначала – через сны. Потом – через тени. Потом – через прикосновения.

– Как мне защититься?

– Есть способы. Но они опасны.

– Какие?

– Можно отдать ему что-то своё. Волос. Каплю крови. Ногу животного. Это отвлечёт его на время. Можно запечатать дом рунами – но для этого нужна кровь того, кто уже был отмечен. Можно уйти – но он найдёт тебя везде, где есть тьма.

– А если... – Анна запнулась. – Если я попробую завершить его ритуал? Если найду последнюю кость?

Тётя посмотрела на неё так, будто увидела что-то страшное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.